

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХV.

1903.
ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	3
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	4
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв.	15
IV. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	16
V. Отъ министерства народнаго просвѣщенія	19
VI. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	20
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	32
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	40
IX. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	47
Открытіе и преобразование училищъ	48
Отъ комитета возстановленія памятниковъ Севастопольской обороны	50
Н. К. Козминъ. Изъ исторіи русскаго романтизма. I—V	1
А. А. Кизеветтеръ. Посадское населеніе Россіи въ эпоху двухъ первыхъ реввій	51
А. Я. Ефименко. Литовско-русскіе данники и ихъ дань	106
Ф. Лоренцъ. Славяне въ Помераніи	120

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. С. Суворовъ. <i>А. С. Поговъ</i> . Курсъ церковнаго права, посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской духовной академіи <i>Н. М. Громова</i> . Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1902	146
И. С. Александръ Аннинскій. 1) Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса. 1899. 2) Исторія армянской церкви (до XIX вѣка). Кишиневъ. 1900	179
С. Г. Вилинскій. <i>И. М. Ивакинъ</i> . Князь Владиміръ Мономахъ и его Поученіе. Часть первая: Поученіе къ дѣтямъ, Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1900	204
Б. А. Тураевъ. Древнѣйшая исторія Востока. I. Исторія Халдеи. <i>З. А. Раозиной</i> . С.-Пб. 1902	214
— Книжныя новости	218

См. 3-ю стр. обложки.

ЛИТОВСКО-РУССКІЕ ДАНИКИ И ИХЪ ДАНИ.

Въ послѣднее время обнаруживается въ нашей наукѣ все возрастающій интересъ къ Литовско-русской исторіи; почти каждый годъ даетъ какое-нибудь новое солидное приобрѣтеніе въ этой области, которая такъ долго оставалась, можно сказать, чуждой русской исторіографіи, какъ бы предоставленной въ вѣдѣніе исторіографіи польской. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, все съ большей наглядностью и очевидностью обнаруживается, что именно литовская, а не московская, половина Руси полнѣе восприняла, сохранила и развила традиціи древнерусской жизни, что именно она, литовская Русь, явилась, въ существенномъ, прямой наслѣдницей великокняжеской и удѣльной кievской Руси.

Въ настоящемъ сообщеніи я намѣрена на извѣстной группѣ фактовъ указать эту связь, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится и нагляднымъ доказательствомъ того, какой свѣтъ можетъ пролить изученіе литовско-русской исторіи на архаическій строй русской жизни.

Когда является возможность представить себѣ внутренній строй литовско-русскаго общества на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ—возможность эта наступаетъ съ конца XIV вѣка—мы видимъ слѣдующее. Вся та масса населенія, которой наиболѣе соотвѣтствовало бы современное названіе народа, представляла собой въ литовско-русскомъ государствѣ, въ разсматриваемую эпоху, то-есть, приблизительно отъ временъ Витовта до Люблинской уніи, двѣ категоріи: тяглыхъ и данниковъ. Тяглые часто называются въ документахъ просто „люди“; къ данникамъ нерѣдко прикладывается эпитетъ „мужи“. Тяглые люди, прежде всего, землю пашутъ; данники ея не пашутъ, по крайней мѣрѣ, не земля съ ея страдой стоитъ у

нихъ на первомъ планѣ. Даники, въ противоположность тяглицамъ, представляютъ собой группу, убывающую въ числѣ и значеніи, постепенно растворяющуюся въ иныхъ общественныхъ группахъ.

Уже самъ по себѣ этотъ фактъ общественнаго вымирания даниковъ заставляетъ предполагать, что эта группа съ ея особенностями была передана литовско-русскому обществу готовою изъ иной исторической эпохи; а извѣстное углубленіе въ эти особенности сообщаетъ такому предположенію полную достовѣрность.

Но, прежде всего, что же такое были эти даники? Даниками называлась та часть населенія, которая отбывала свои платежныя обязательства передъ государствомъ всецѣло или по преимуществу даями, то-есть, натурой, добыткомъ своего промысловаго хозяйства, медомъ и мѣхами; такимъ образомъ они являются иногда подъ специальными названіями куничниковъ, лисичниковъ, ясачниковъ.

Мы остановимся лишь на даникахъ южно-русскихъ областей, гдѣ они занимали сплошныя значительныя территоріи. Такими территоріями были такъ называемыя Поддѣпрскія волости, лежавшія въ бассейнѣ верхняго Днѣпра и Березины, также Пинское Полѣсье; встрѣчались даники и въ Кіевской землѣ, какъ видно изъ ея древнѣйшей люстраціи, которую профессоръ Владимірскій-Будановъ относитъ къ 1471 году ¹⁾. Но задержались они до конца разсматриваемой эпохи лишь въ территоріяхъ, исключительныхъ по своимъ топографическимъ условіямъ. Это—территоріи тѣхъ островковъ удобной земли среди пущъ и болотъ, какими характеризуется глухое Полѣсье. Въ подобныхъ мѣстностяхъ было мало заинтересовано литовско-русское государство съ его тогдашней экономической политикой сельско-хозяйственнаго характера; здѣсь невыгодно было устраивать господарскіе экономическіе дворы и фольварки, сюда долго не проникала даже волоочная помѣра. Населеніе могло жить и хозяйничать на свободѣ, какъ хотѣло и умѣло.

Итакъ, даники сохранили свои дани,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальные архаическія особенности своего строя—не въ силу того, что эти особенности стояли въ какомъ-нибудь исключительномъ отношеніи къ промысловому характеру ихъ экономического быта. Государство просто обходило ихъ въ своихъ новаторскихъ тенденціяхъ въ силу неудобнаго—въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ—характера занятой ими земли. Тамъ же, какъ, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, гдѣ не

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. 7, т. II.

было этого условія, данники постепенно исчезали, переходя то въ высшую себя группу боярскую, военно-служилую, то въ низшую—тяглую.

Около 50-ти лѣтъ тому назадъ, въ 1855 году, князь Тадеушь Любомірскій помѣстилъ въ Библиотекѣ Варшавской свою монографію: „Starostwo radeńskie — wyjątek z historyi osad wołoskich w Polsce“. Статья эта долго возбуждала исключительный интересъ. На IX-мъ, Виленскомъ, археологическомъ съѣздѣ былъ поставленъ даже профессоромъ Линиченкомъ, въ качествѣ спеціального вопроса, вопросъ о матеріалѣ, которымъ пользовался Любомірскій. Вопросъ этотъ въ настоящее время уже почти рѣшенъ—изданіемъ люстрацій Ратенскаго староства: болѣе древнія изъ нихъ напечатаны въ Галиціи въ Запискахъ Науковаго Товариства имени Шевченка, позднѣйшія въ Архивѣ юго-западной Россіи. Та яркая картина народнаго благосостоянія и свободы, которую далъ Любомірскій, теперь уже не поражаетъ изслѣдователей, какъ поражала раньше—своимъ несоотвѣтствіемъ съ общимъ представленіемъ о положеніи народной массы въ исторической Польшѣ, которое неволью распространялось и на Литовскую Русь. Но, разумѣется, необходимо признать, что Любомірскій, набредши случайно и неожиданно для себя на этотъ уголокъ исторической народной жизни, неволью сгустилъ краски; съ другой стороны, онъ просто не понималъ кой-чего въ явленіяхъ раскрывавшейся передъ нимъ жизни, столь отличной отъ жизни современной, и надо прибавить—польской. Намъ легко избѣгать его ошибокъ, такъ какъ мы имѣемъ кромѣ люстрацій, относящихся спеціально къ Ратенскому староству 1500 г., 1512 г., 1565 г. ¹⁾, еще не мало и иныхъ свѣдѣній о данникахъ, разбросанныхъ то въ изданіяхъ разнаго рода актовъ, то въ новѣйшихъ монографіяхъ.

Данники жили небольшими поселками, носившими по люстраціямъ названія *wieś*, *villa*—названія, наиболѣе соотвѣтствующія сѣверно-

¹⁾ Описъ Ратенскаго староства з 1500—1512 р. изданы г. Грушевскимъ въ Запискахъ Наук. Товариства имени Шевченка 1898 года, кн. VI. Люстрація Ратенскаго староства 1565 года *Capitaneatus Ratnensis*—въ Архивѣ юго-западной Россіи, ч. 7, т. II. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи; Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи; *Archivum Sanguszków*; Приложенія къ книгѣ Любавскаго, Областное дѣленіе и мѣстное самоуправленіе Литовско-Русскаго государства; Акты Литовско-Русскаго государства XIV—XVI ст., изданные г. Довнаркомъ-Запольскимъ, Читенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ 1899 г., кн. 4.

русскому слову „деревня“. Этотъ поселокъ, даже и въ разсматриваемую, относительно позднюю, эпоху, состоялъ все еще лишь изъ небольшого количества дворищъ, приблизительно отъ 10 до 20. Дворище, разнообразное по составу, было основной хозяйственной и юридической единицей, объединяемой личностью главы, на имя котораго оно „писалось“, по выраженію документовъ. Дворища обыкновенно выступаютъ съ опредѣленными названіями, напримѣръ, дворище Жаворонковское, Нагорное; но гораздо чаще названія эти патримоніальнаго характера. Въ интересной таблицѣ пинскихъ дворищъ, приведенной г. Довнаромъ-Запольскимъ въ его монографіи ¹⁾, 75% названій несомнѣнно патримоніальныя—Ильковичи, Голубовичи, Любковичи, Шостаковичи и т. д.; да и изъ остальныхъ 25% значительное большинство представляетъ лишь грамматическое измѣненіе той же патримоніальной формы: Иванишевичина, Игнатовичина и т. д.

Я не буду вдаваться подробно въ организацию дворища, такъ какъ мнѣ пришлось уже разрабатывать этотъ предметъ въ спеціальной монографіи ²⁾. Здѣсь я коснусь только существенно необходимаго, останавливаясь подробнѣе лишь на даняхъ, которыя представляютъ, во многихъ подробностяхъ, переживанія древне-русскаго общественнаго строя.

Любоміръскій принимаетъ дворищную единицу за товарищество, „спилку“, то-есть, артель; къ такому заключенію приводитъ его, съ одной стороны, многочисленность членовъ дворища, съ другой—неродственные элементы, въ нихъ встрѣчающіеся. Но такое заключеніе, конечно, ошибочно. Дворище есть, прежде всего, соединеніе родичей подъ главенствомъ старшаго—такой-то „человѣкъ со своимъ племенемъ“, какъ выражаются документы. Размножаясь и расходясь въ степеняхъ родства, родичи расходились и въ своихъ интересахъ: тогда, продолжая „жить за одними воротами“, они, по тогдашнему выраженію, предпочитали „ѣсть разный хлѣбъ“. Не разрывая дворищной связи, дворище распадалось на думы. Въ вышеупомянутой таблицѣ пинскихъ дворищъ на 1 дворище приходится въ среднемъ около 5 дымовъ; нераздѣльное дворище представляетъ собой лишь 8% всѣхъ случаевъ, съ значительнымъ преобладаніемъ является дворище съ 2—10 дымами, а въ 2 случаяхъ на 70 количество дымовъ равняется

¹⁾ Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго.

²⁾ Дворищное землевладѣніе въ южной Руси (*Русская Мысль*, 1902 г., апрѣль—май).

23. „Pochlebne“, упоминаемое всѣми люстраціями какъ особый видъ дани для тѣхъ, кто отходилъ на свой хлѣбъ, продолжая въ остальныхъ даняхъ складываться по-прежнему съ „принципаломъ“ дворища, наглядно показываетъ, какъ усиленно шель ростъ дымовъ, особенно въ болѣе позднее время: напримѣръ, по люстраціи 1565 года, въ одной деревнѣ на 20 дворищъ упоминается 130 случаевъ похлѣбнаго отъ тѣхъ, „ktorzi szie na swe gospodarstwo od ouczdów odłączyli“ ¹⁾). Изъ этого же, какъ и изъ другихъ мѣстъ аналогичныхъ документовъ, видно, что отдѣлялись люди отъ ouczdów, чѣмъ, между прочимъ, совершенно опровергается утверждение Любомірскаго, что дворище представляло собой артель. Но, тѣмъ не менѣе, въ утверженіи этомъ есть известная доля истины. Такъ какъ угоды дворища были обширны, а количество платежей и повинностей сообразовалось,—по крайней мѣрѣ до известной степени—съ количествомъ и качествомъ угодій, то дворищу почти всегда было выгодно, а иногда и необходимо, присаживать на свои „пляцы“ и „роли“ постороннихъ людей изъ левныхъ и похожихъ. Эти посторонніе люди присоединялись къ дворищу на разныхъ условіяхъ: то какъ равноправные члены, потужники, поплечники, сябры, то какъ зависимые отъ дворищъ половинники, загородники, сосѣди. Съ этой точки зрѣнія дворища, дѣйствительно, имѣли отчасти артельный характеръ; но нельзя опускать изъ виду ихъ родовую основу.

Считая дворищанъ за членовъ свободнаго, договорнаго союза, Любомірскій считалъ такимъ же свободнымъ и договорнымъ ихъ отношеніе къ воздѣлываемой ими землѣ. Въ этомъ его второе, кардинальное, заблужденіе. Ратенскіе данники, какъ и данники вообще, были не арендаторами воздѣлываемой ими земли, какъ полагасть Любомірскій, а „отчичами“. Конечно, ихъ вотчинныя права имѣютъ условный характеръ—какъ, вообще, условны всѣ землевладѣльческія права въ разсматриваемую нами эпоху Литовско-русской исторіи,—но во всякомъ случаѣ это права владѣнія, а не аренднаго или иного пользованія ²⁾). До конца дней своихъ данники владѣли своими землями какъ „отчизнами“ „według przodków swoich“, то-есть, по своимъ

¹⁾ Сохраняемъ правописаніе подлинника.

²⁾ Хотя Ратенское староство, по политическимъ и административнымъ отношеніямъ своимъ, принадлежало къ Русп Червоной, но и топографически и по социальнымъ своимъ особенностямъ оно относится къ Волянскому Подлѣсью—такъ принимаютъ польскіе писатели, во главѣ ихъ Яблоновскій, такъ и русскіе.

предкамъ, какъ это ни противорѣчило принципамъ новаго надвигающагося на нихъ правового строя, который требовалъ, чтобы плательщикъ „według tego jak swój chleb jé, nie zaś według przodków swoich, ze swoich jak je nazywają ojczyzn“—несъ свои „ciężary“ относительно государства.

Дворище—самостоятельное, само въ себѣ замкнутое цѣлое—съ тѣмъ же характеромъ выступало и по отношенію къ государству: именно оно являлось главною податною единицею, совершенно закрывавшею собою своихъ членовъ. Только относительно небольшое количество податей несла сообща деревня, и лишь по отношенію къ повинностямъ выступала на первый планъ волость—территорія, объединенная своимъ отношеніемъ къ центральному защитному и административному пункту, замку и городу.

Данники, жившіе подъ „русскимъ“, иначе „волинскимъ“ правомъ, отбывали свои дани двумя способами: или къ нимъ „въѣзжали по дань“ правительственные агенты, или они сами отвозили свои дани въ ближайшій городъ или въ центральный скарбъ. Но и въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, данники пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Количество дани опредѣлялось на волость общей суммой, которую волость сама „разметывала“. Въ описываемую эпоху важнѣйшія дани, коими была дань медовая и грошевая, волость сама собирала и доставляла посредствомъ своихъ собственныхъ „старцевъ“. По крайней мѣрѣ, Поддѣпрскія волости имѣли несомнѣнно своихъ старцевъ, медовыхъ и серебряныхъ. Старцевъ „уставляла“ волость „межи себѣ по весиѣ, собравшия з мужми посполу“¹⁾; но „старчество“ требовало утвержденья со стороны великаго князя: отъ cadaго „старченя“ шелъ господарю поклонъ въ видѣ столькихъ-то корабельниковъ или копъ грошей²⁾. Старцы собирали и отвозили дани, организовали повинности, выступали во всѣхъ дѣлахъ впереди волости: „старцы и мужи“—обыкновенное выраженіе документовъ.

Но существованіе старцевъ лишь частью, но далеко не вполне, освобождало волость отъ въѣзда въ нее „по дань“ правительственныхъ агентовъ. Въѣздъ въ волость вообще, и въѣздъ по дань, какъ главнѣйшій видъ въѣзда, заслуживаетъ, по своему архаическому характеру, особеннаго вниманія.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I, № 73.

²⁾ Акты Литовско-русскаго государства, издан. Довнаръ-Запольскимъ, № 16 и др.

Въѣздъ въ волость былъ обставленъ строгими юридическими опредѣленіями и ограниченіями. Могли въѣзжать лишь лица извѣстной компетенціи съ такимъ-то количествомъ спутниковъ, въ такое-то и на такое-то опредѣленное время, должны останавливаться лишь въ такихъ-то мѣстахъ, получать столько-то подводъ и кормовъ, уже не говоря, конечно, о точно опредѣленныхъ величинахъ самой дани. Разумѣется, сильные „выѣздки“, или „ѣздоки“, сплошь и рядомъ выламывались изъ права; но за то же верховная власть никогда не оставалась глуха къ жалобамъ волостныхъ старцевъ съ мужьями на дѣлаемая имъ „кривды“ и „уводимыя новины“.

Кто же имѣлъ право въѣзда въ волость? Конечно, прежде всего, воеводы, старосты или намѣстники, въ болѣе раннее время тивуны даннаго правительственнаго округа; затѣмъ всякаго рода „завазники“, то-есть, лица, которымъ великій князь дѣлалъ специальное порученіе, требовавшее въѣзда; наконецъ, тѣ лица военно-служилаго сословія, которымъ великій князь жаловалъ извѣстный сборъ какъ награду за службу или жалованье на службу. Сюда относятся, на первомъ планѣ, тѣ бояре, которымъ государь давалъ держать волости данниковъ по годамъ, по-очереди: бояринъ имѣлъ право „выбирать волость“, то-есть, собирать съ нея дани въ теченіе года, чтобъ на слѣдующій годъ уступить очередь другому ¹⁾. Волостные старцы съ мужьями должны были поднимать „ѣздоковъ“ согласно правовой нормѣ, установленной обычаемъ, подправленнымъ, иногда подновленнымъ, видоизмѣненнымъ великокняжеской грамотой. Ихъ поднимали на опредѣленномъ мѣстѣ, которое носило древне-русское названіе „стана“: „поднимати на томъ стану гдѣ извѣку поднимывали“. Поднимали „выѣздчаго“ на стану кормами и подводами. Количество какъ подводъ, такъ и кормовъ опредѣлялось согласно значенію того или иного лица. Составъ кормовъ по различнымъ мѣстностямъ, конечно, былъ различный: куры, бараны, медъ, овесъ для лошадей. Необходимой составной принадлежностью корма было пиво или сыченый медъ; вѣроятно, для этой цѣли и служили, главнымъ образомъ, общественные котлы, хранившіеся въ замкѣ. У полоцкихъ данниковъ встрѣчается терминъ „варя“ ²⁾, вѣроятно, тожественный съ „переварой“ сосѣднихъ сѣверно-русскихъ областей, словомъ; замѣнявшимъ слово

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Помѣстья Литовскаго государства. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства.

²⁾ Акты Литовско-русскаго государства, № 105.

„станъ“: „а поѣздники берутъ подводы съ перевары до перевары“. Выѣздчій долженъ былъ останавливаться на стану лишь опредѣленное, очень незначительное, время: „маеть пріѣхати къ обѣду, а ночовавши и обѣдавши назаутріе маеть прочь поѣхати“, но, конечно, если такая поспѣшность согласовалась съ характеромъ дѣла, за которымъ совершался вѣздъ. Можно предполагать, напримѣръ, что пріемъ медовой дани—если она собиралась не черезъ старцевъ—былъ дѣломъ довольно сложнымъ, обставляясь правовыми опредѣленіями, обезпечивающими данниковъ отъ обидъ со стороны правительственныхъ агентовъ. Вѣситъ долженъ былъ такой-то, присутствовать при вѣсѣ такіе-то (съ одной стороны, напримѣръ, тивунъ, съ другой—волостные мужи)¹⁾, вѣситъ такъ-то, напримѣръ, не безмѣномъ, а „у камень вѣсячій“. Такимъ образомъ „лежанье“ на стану могло затягиваться и сверхъ установленной обычно-правовой нормы. А бывали и такія обстоятельства, при которыхъ это „лежанье на стану“ получало особый юридическій характеръ—мѣры частью понудительной, частью карательной. Если населеніе являлось неисправнымъ плательщикомъ своихъ даней, мѣстные власти, то-есть, воеводы или старосты, высылали на неисправныхъ плательщиковъ „лежня“. Лежень „лежалъ“, или иначе „жилъ“ на людяхъ данной волости, пока она не исполняла своихъ обязательствъ, конечно, получая отъ волости не только обычные кормы, но и „поклоны“. Было общимъ правиломъ, чтобы всякій выѣздчій, сверхъ положенныхъ подводъ и кормовъ, получалъ еще что-нибудь отъ населенія въ видѣ какъ бы дара или вознагражденія за свой трудъ, напримѣръ, извѣстное количество бѣлокъ, лисиць, куницъ шерстью или деньгами. Это было его легальнымъ доходомъ.

Собственно говоря, къ вѣзду въ волость, какъ юридическому акту, сводилось все существенное въ отношеніяхъ данническаго населенія къ государству, а вѣздъ имѣлъ своей главнѣйшей, если не исключительной, цѣлью дани. Дѣло въ томъ, что въ понятіе дани входили не только тѣ платежныя обязательства по обложенію, которыя отбывало населеніе государству, плюсъ доходъ лицъ, участвовавшихъ во взиманіи, но всякіе сборы, какого бы происхожденія и характера они ни были. Все покрывалось общимъ терминомъ „дань“.

Дань съ русскихъ волостей собиралась, главнымъ образомъ, медомъ съ бортей. Не безынтересной въ научномъ отношеніи задачей было бы изслѣдовать, какія причины и условія создали то особое

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I, № 4.

тяготѣніе славянскаго племени къ бортничеству, какое мы наблюдаемъ; по крайней мѣрѣ, населеніе славянскихъ гуфъ еще въ XII—XIII вѣкахъ отбывало свои обязательства къ своимъ нѣмецкимъ господамъ тѣмъ же медомъ ¹⁾). Когда документы описываемой нами эпохи говорятъ о бортныхъ земляхъ и бортяхъ, бортничествѣ и бортникахъ—ихъ указанія и самыя выраженія отмѣчены особымъ характеромъ какой-то отдаленной и благоговѣнно чтимой древности. Лишь по отношенію къ межамъ бортныхъ земель употребляется терминъ „знамя“: „куды тоѣ земли знамя пошло, гдѣ его найдутъ, то все Божье и ихъ“. Описываемая эпоха знаетъ „стародавніе обычаи бортничества“ ²⁾; не даромъ до сихъ поръ пчеловодство одѣто въ глазахъ народа какимъ-то мистическимъ покровомъ.

Количество медовой дани съ различныхъ дворищъ одного поселка было различно—пропорціонально величинѣ и силамъ отдѣльныхъ дворищъ. Но для даннаго округа уплачивалась она непременно одной извѣстной, точно опредѣленной мѣрой, образецъ которой хранился въ замкѣ центральнаго города: названія—коройманъ, ведро, липечна, ручка. Медовая дань выплачивалась всегда осенью, почему этотъ медъ и называется иначе осеннимъ. Отдѣльно собирался—съ нѣкоторыхъ дворищъ, въ относительно небольшомъ количествѣ, въ качествѣ особой дани—медъ іюльскій, липецъ. Медъ былъ самъ по себѣ главною данью; но медомъ же могли уплачиваться и иные виды дани. Напримѣръ, въ теченіи XVI вѣка данники Ратенской волости уплачивали медомъ „полюдь“, очевидно, за вѣздъ старосты или его заказчика по медовую дань („полюдованье—коли у волость не поѣдетъ“), подобный откупъ отъ того или другого вида вѣзда практиковался и былъ въ прямыхъ расчетахъ населенія. Наконецъ, медомъ же отбывали бобровщину, такъ какъ бобры шерстью уже, очевидно, становились рѣдкостью. Медъ въ томъ или другомъ случаѣ переводился на деньги, по желанію плательщика и по установленной оцѣнкѣ: „quemlibet luyeczna VIII gros. pensat“ или „quilibet ciffus mellis per 1 gros. computatur“, по люстраціямъ Ратенскаго староства 1501—1502 годовъ.

Вообще, деньги уже и въ эту эпоху усиленно вторгаются въ патриархальный бытъ данниковъ. Главная дань отбывалась натурой;

¹⁾ Inama Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters, II.

²⁾ Напримѣръ, Акты южной и западной Россіи, № 48 п. 97.

но всегда деньгами уже платили обычные доплаты, *post-daciam*, подданное, которое, съ одной стороны, являлось вознагражденіемъ за трудъ взиманія, съ другой—просто приложеніемъ общаго соціального закона: „*za przimnożeniem ludzi mnozi się y dań*“ (съ ростомъ населенія растутъ и дань), по наивному выраженію одной люстраціи. Кромѣ этихъ грошевыхъ (денежныхъ) доплатковъ, деньгами же уплачивался—у Ратенскихъ данниковъ съ самаго начала XVI вѣка—особый видъ дани, который назывался „поборъ“. Въ общей сложности для даннаго момента и данной территоріи (половина XVI вѣка Ратенская волость) вся совокупность дани распадалась на медовую и грошевую, при чемъ медовая лишь нѣсколько превосходила цѣнностью грошевую. Позже беретъ перевѣсъ дань грошевая надъ медовой; а раньше, по Кіевской люстраціи 1471 года, преобладала значительно дань медовая, къ которой добавлялись куницы, повидимому шерстью, и воскъ. Въ теченіи XVI вѣка, съ приближеніемъ критической эпохи съ ея выдающимися моментами—волочной помѣрой и водвореніемъ съ Люблинской уніей польскаго права—дани начинаютъ быстро мѣняться въ своемъ характерѣ. Онѣ осложняются привнесеніемъ разнообразныхъ новыхъ взиманій, которыя все растутъ въ своемъ составѣ и количествѣ, приближаясь къ платежамъ тягловъ: куры, масло и сыръ, пасхальныя яйца, горсти льну и конопли, овесъ, сѣно. Конечно, это было въ началѣ лишь разложеніемъ на дворища разныхъ видовъ того же вѣзда, становъ, или стацій, поклоновъ. Но въ дальнѣйшемъ эти взиманія растутъ въ величинѣ, частью обращаются въ грошевыя и постепенно приближаютъ положеніе данниковъ къ положенію тягловъ. Часть этихъ взиманій еще не перешла въ подворичное обложеніе и уплачивается сообща поселкомъ—и здѣсь виднѣе первоначальный характеръ этой дани: вся громада „за честь“ или „за почтъ, который зовется полюдьемъ“, платитъ столько-то; за пасхальныя яйца, которыя „вмѣсто почту давали“, даетъ столько-то; складывается на „стаціиную“ яловицу или кабана и т. д.

Всѣ свои повинности данники отбывали частью деревней, частью волостью. Главнѣйшими изъ этихъ повинностей было ходить „на остуль“ (на облаву) и „на ловы“ съ воеводой или старостой—повинность нелегкая, такъ какъ приходилось проживать въ цущахъ по нѣсколько недѣль, бросивши свое хозяйство; высылать рабочія силы къ замковому неводу, при чемъ одна деревня брала на себя правое крыло невода, другая—лѣвое и т. д.; исправлять плотины, привозить тесь и драпицы на поправку замка, дѣлать „повозъ“, то-есть, давать

подводы на извѣстныхъ надобности замка до опредѣленнаго пункта. Но эти повинности, отъ которыхъ можно было и откупаться деньгами, упоминаются только въ болѣе позднихъ люстраціяхъ; въ древнѣйшей встрѣчается лишь сторожовщина, то-есть, обязанность давать сторожу для замка—повинность, сближавшая положеніе данниковъ съ положеніемъ слугъ путныхъ, то-есть, низшаго боярства.

Изъ повинностей общеволостнаго характера любопытна повинность Подгѣйрскихъ данниковъ работать на кievскій замокъ: каждая волость должна была отправлять въ Кіевъ опредѣленное число топоровъ (напрямѣръ, Свислоцкая волость въ половинѣ XVI вѣка отправляла ихъ 60)¹⁾. Подъ топорами подразумѣвались „добрые молодцы не ребята, ни тежъ люди старые, ни наймиты, одно же съ сыновей мужескихъ посвѣдомыхъ“. Волость, въ теченіи зимы, должна была заготовить достаточно дерева и драниць и сплавить это дерево по веснѣ, тотчасъ послѣ Пасхи, снабдивъ отправляемую съ плотами молодежь вдоволь всякой живностью на цѣлое лѣто.

Этимъ мы ограничиваемся относительно даней по обложенію. Но была еще одна категорія даней, которая представляетъ исключительный интересъ въ видахъ уясненія организаціи и быта русскихъ данниковъ Литовско-русскаго государства. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ тѣ дани, которыя являются съ характеромъ судебныхъ пошлинъ.

Разсмотрѣніе относящихся сюда свидѣтельствъ приводитъ къ убѣжденію, что данники пользовались широкимъ правомъ собственнаго суда. Любомірскій, который имѣлъ въ рукахъ, кромѣ люстрацій, еще какіе-то старостинскіе отчеты или донесенія, опредѣленно говоритъ, что Ратенскіе данники собирались на судебныя копы, или вѣча. Менѣе важныя дѣла рѣшались, по его словамъ, на вѣчѣ двухъ деревень, для болѣе важныхъ собирались вѣча всего округа. Судебныя рѣшенія были окончательными—апелляція не допускалась. Что судебныя дѣла рѣшались на вѣчахъ—это подтверждается и издавными люстраціями: господарь черезъ своихъ агентовъ собиралъ лишь судебныя дани. Если дѣло рѣшалось соглашеніемъ сторонъ—что допускалось копнымъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сообразно арханческому взгляду на преступленіе какъ нарушеніе частнаго права—господарь получалъ „змирщину“, или „змирскую купцу“. Если не было примиренія, сторонамъ предоставлялось на ихъ добрую волю—или обра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. № 109.

тятся къ суду копы, или „выкинуть“ дѣло на великокняжескаго урядника, который въ такомъ случаѣ получалъ повинное и выметное. Если же состоялся судъ копы, который присудилъ виновнаго къ денежному взысканію, что допускалось во всякаго рода дѣлахъ—взысканія эти, подъ названіемъ „винъ“, „великихъ“ и „малыхъ“, должны были поступать въ пользу господаря. Въ его же пользу шель „присудъ“—опредѣленная пошлина отъ всякаго рода суда, будь то судъ копы или урядника. Какъ особая судебная пошлина, упоминается еще „помочное“, которое уплачивалось господарю въ томъ случаѣ, если копа налагала уголовную кару, каковой была въ конномъ правосудіи, почти исключительно, смертная казнь черезъ повѣшеніе; надо полагать, что помочное имѣло отношеніе къ той отвѣтственности, какую, по архаическимъ представленіямъ, раздѣляли съ преступникомъ члены его родовой или семейной группы. Затѣмъ слѣдуетъ „вижеване“ и „дѣцковале“—судебныя пошлины, какъ вознагражденіе лицъ уряда. Вижеване—плата вижу, исполнявшему обязанности судебного пристава при конномъ судѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ; дѣцковане—плата дѣтскимъ, обязанности которыхъ исполняли воеводскіе или старостинскіе слуги, взымавшіе пошлины и отвозившіе ихъ до уряда: они получали плату отъ разстоянія и въ случаѣ надобности могли играть роль лежней. Если встрѣчались затрудненія при взиманіи въ данной волости, господарь грозилъ приступить къ дѣлу „моцно съ дѣцкованьемъ“.

Къ концу описываемой эпохи центральная власть, пропитанная культурными, западно-европейскими, стремленіями, ограничиваетъ компетенцію конныхъ судовъ, высказываетъ желаніе, чтобы вмѣсто взиманія „винъ“ власти обходились „*laskawoscią i sprawedliwem karaniem*“, уничтожаетъ „эмирскую кунницу“, какъ „непобожный поборъ“, несогласный съ новымъ взглядомъ на преступленіе, какъ объектъ права публичнаго. Конные суды должны были исчезнуть вмѣстѣ съ коннымъ, архаическимъ, правомъ. Но принципы новаго времени, побѣдоносно заявившіе о себѣ съ эпохи Люблинской уніи, нашли среди русскихъ данниковъ, кромѣ судебныхъ, и иные „непобожные поборы и вымыслы“, укрывавшіеся здѣсь подъ видомъ даней со временъ глубокой древности. Уже не исторія, а лишь сравнительная этнографія можетъ намъ разъяснить, что значила, на примѣръ, дань, называвшаяся въ люстраціяхъ „свадебной кунницей“, или „кунницей дѣвочей“, „вдовьей“, такъ какъ она взималась въ одномъ размѣрѣ съ дѣвушки, и въ значительно большемъ со вдовы; вдовья кунница, по Кіевской, древнѣйшей,

люстраціи, называется иначе „выходной“, когда вдова шла замужъ въ иной округъ со „статкомъ“, то-есть, съ имуществомъ. Непобожнымъ же поборомъ уже представлялось, съ точки зрѣнія новыхъ правовыхъ понятій, и „выходное“, или „отклонъ“, взиманіе, обеспечивавшее всякому даннику свободу, по уплатѣ, идти на всѣ четыре стороны, прекращая такимъ путемъ свои обязательства; конечно, рѣчь идетъ о данникѣ—мужѣ, то-есть, господарѣ дворища, такъ какъ остальные члены дворища не нуждались, для осуществленія своей свободы ни въ какихъ юридическихъ дѣйствіяхъ.

Но въ жизни русскихъ данниковъ были и еще худшіе вымыслы, прямо противные „пану Богу и правамъ посполитымъ“, служившіе „ku skazoniu obiczaudw dobrich“, то-есть, къ порчѣ нравовъ, такъ что въ половинѣ столѣтія взиманіе дани, опирающихся на этихъ вымыслахъ, было не только запрещено, но и самые „вымыслы“ объявлены преступными, заслуживающими строжайшей кары. Къ этой исключительной категоріи принадлежатъ двѣ дани, касающіяся семейныхъ отношеній и отмѣченныя въ документахъ названіями: „разводы“ и „почеревщизна“. „Разводы“—плата замковому уряду за разводъ, если, говоря словами люстраціи, „когда какому мужу жена не по нраву (pierodobna) или мужъ женѣ“. Почеревщизна—„когда который человекъ захотѣлъ бы жить со вдовой или дѣвушкой wyate (то-есть, на вѣру)“, то оба шли на замокъ и давали известную сумму денегъ, чтобы имъ это было разрѣшено: гражданская брачная сдѣлка. Слѣдовательно, какъ разводы, такъ и заключеніе брака гражданскимъ путемъ были свободными до половины XVI вѣка.

Итакъ, литовско-русскіе данники съ ихъ даями представляютъ собой пережитокъ предыдущей эпохи, надолго забытый исторической эволюціей въ глухихъ дебряхъ Полѣсья. Какъ самое слово „дань“, такъ и ея составъ, „медъ и скоря“—все переноситъ въ лѣтописную Русь. Въѣздъ въ волость по дань, полюдые и станы, тивуны и дѣтскіе воспроизводятъ, конечно, съ нѣкоторой неизбежной модернизацией, древнюю Кіевскую Русь. Конечно, звукъ не понятіе, терминъ не жизнь: но здѣсь комплексъ аналогичныхъ терминовъ дѣйствительно воспроизводятъ комплексъ явленій, лишь приспособленный къ иной исторической средѣ. Если бояре держатъ по годамъ и выбираютъ волость данниковъ—развѣ это не то же по существу, о чемъ говоритъ Ипатская лѣтопись подъ 1238 годомъ: „Даніилъ же и Василько власта ему (Михайлу) ходити по землѣ своей и даста ему пшеницѣ много и меду и говядѣ и овецъ доволѣ?“ Встрѣтивъ въ люстраціи,

въ качествѣ незначительныхъ, вымирающихъ, даней ловчее и огничее, мы, конечно, въ правѣ привлечь, въ качествѣ разъяснительнаго комментарія, то мѣсто изъ лѣтописи (1289 года), гдѣ Романовъ внукъ Мстиславъ уставлялъ „ловчее“ на коромольныхъ Берестьянъ, а для „огничаго“—огничнаго тивуна Русской Правды.

Разумѣется, здѣсь дѣло идетъ не о внѣшнихъ аналогіяхъ, не о случайныхъ созвучіяхъ, а о томъ, что историческая эволюція, въ сторонѣ отъ своихъ торныхъ путей, даетъ иногда любопытнѣйшія отложенія, которыя подобно геологическимъ напластованіямъ сохраняютъ, среди новой жизни, оригинальныя очертанія архаическихъ формъ. Литовско-русское государство ограничило свои отношенія къ данникамъ взиманіемъ даней, и они жили по импульсамъ, унаслѣдованнымъ отъ предшествующихъ историческихъ эпохъ. Вѣча и старцы, архаическій типъ ихъ правовыхъ понятій, выражающіеся въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о ихъ судебныхъ обычаяхъ, свадебныя и выходныя кунницы, слѣды до-исторической свободы въ отношеніяхъ половъ, отъ всего вѣетъ древностью—какой? Несомнѣнно, той, которая составляла атмосферу жизни такъ называемой Кіевской Руси. Въ ней мы должны искать комментаріевъ къ непонятнымъ для насъ явленіямъ жизни позднѣйшей Литовской Руси; съ другой стороны, въ жизни Руси Литовской—и въ особенности среди ея данническаго населенія—мы ближе всего въ правѣ разсчитывать на объясненія того загадочнаго, что останавливаетъ наше вниманіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ относительно внутренняго быта и соціальной организаціи Руси Кіевской.

А. Ефимово.
